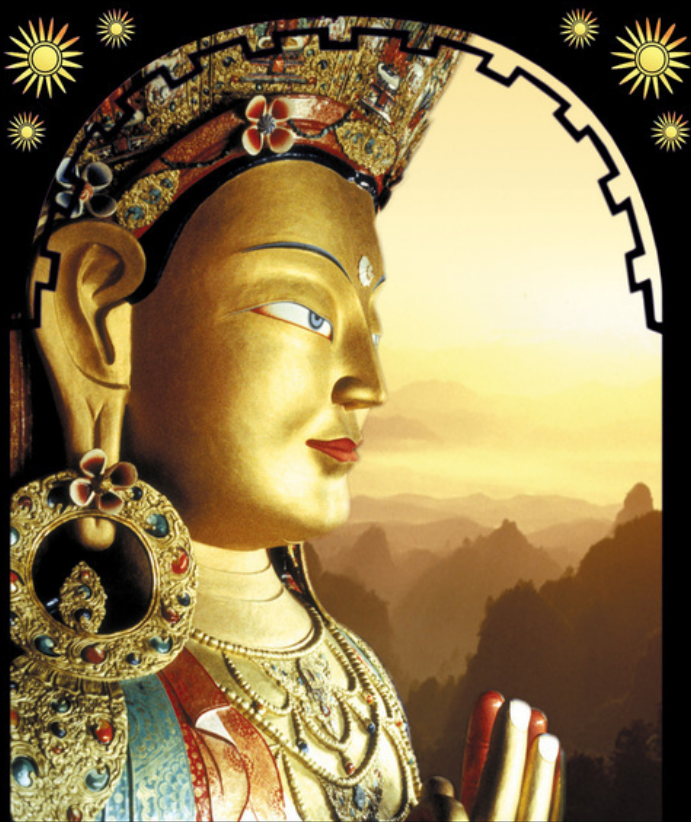

БУДДИЙСКАЯ КАНОНИЧЕСКАЯ КНИГА

СУТТА-НИПАТА

СБОРНИК БЕСЕД И ПОУЧЕНИЙ

Сборник
Сутта-Нипата. Сборник бесед
и поучений. Буддийская
каноническая книга
Серия «Пути к небу»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6376414

*Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений. Буддийская каноническая книга.: Новый Акрополь; Москва; 2014
ISBN 978-5-91896-123-0*

Аннотация

Основным источником современных знаний об основателе буддизма и его учении является палийский канон «Трипитака» («Три корзины учения»). «Суттапитака» («Корзина речей»), в состав которой входит «Сутта-Нипата», изложена ближайшим учеником Будды Анандой. Канон записан на Соборе в Раджагрихе, созванном после смерти Будды во избежание разногласий, касающихся учения.

«Сутта-Нипата» – жемчужина палийской литературы, которая наряду с «Джатакой» и «Дхаммападой» в поэтической форме передает дух учения, эпизоды из жизни Будды и правила нравственной жизни, ведущей к Просветлению.

Содержание

Предисловие к изданию 1915 года	4
Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений	56
Книга I	57
Сутта I	57
Сутта II	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений. Буддийская каноническая книга

Предисловие к изданию 1915 года

I

По мнению ученого – переводчика подлинного текста, д-ра Фаусбелля, Сутта-Нипата принадлежит к наиболее ранним произведениям буддийской литературы. Ученый на основании серьезных лингвистических соображений полагает, что по крайней мере вся книга IV и значительная часть книги III нашего памятника принадлежат ближайшим ученикам Будды Гаутамы. Поэтому Сутта-Нипата, помимо общего интереса, как творение, прекрасно изъясняющее дух, правила и строй возвышенной нравственной жизни, имеет и специальный интерес при изучении буддийской философии, представляя учение Гаутамы в форме, наиболее близкой к пер-

воначальной.¹

В Сутта-Нипате очень мало легендарных элементов. За исключением отдельных, весьма немногих впрочем, преувеличений, таких, например, как встречающиеся иногда невозможные цифры учеников и последователей Гаутамы, некоторые чудесные явления (имеющие, надо полагать, символический характер – например, покрывание языком всей поверхности лица), Сутта-Нипата представляет собой возвышенное изложение столь же возвышенного и глубокого нравственно-философского учения, преподанного более двух тысяч лет тому назад одним из величайших мудрецов мира. Эта сила, огонь, эта особенная красота изречений Гаутамы, которыми так богат наш памятник – ценное украшение всемирной нравственно-философской литературы, могли быть свойственны только действительно вдохновенному человеку.

Нельзя сомневаться, что изучение восточной философии, в частности буддийской, вступит рано или поздно в фазу

¹ Кроме настоящего полного перевода Фаусбелля, изданного им в 81 г., в специальных журналах встречаются отдельные сутты настоящей книги в переводе других ученых. Относительно нашего русского перевода мы должны сказать следующее. Во-первых, где только можно было без ущерба для интересов изучения, мы опускали географические названия и собственные имена, ничего не говорящие современному читателю, но своей нередкой громоздкостью нарушающие плавность чтения. Во-вторых, мы выпустили несколько несущественных строф, которые легко могут показаться не вполне благопристойными, хотя в действительном своем символическом характере и не содержат ничего дурного. Во всем остальном мы старались держаться возможно более близко к тексту Фаусбелля.

полного расцвета. Лингвистическая наука, со своей стороны, сделала немало для такого широкого изучения: многое осмыслила, описала, разъяснила, для многого наметила пути изучения, за что и покрыла себя, в лице своих бессмертных тружеников, неувядаемой славой. Однако полная философская оценка тех самых ценных «сокровищ Востока», которые заключены в его священных книгах, составляет еще предмет надежды в будущем; понимание наиболее важных положений восточной мудрости очень и очень часто пока еще только предположительно. При изучении творений восточной мудрости невольно ощущается отсутствие труда психологов и философов в разъяснении текстов. Думается, изыскания психологов и философов могли бы принести великую пользу делу выяснения истинного духа восточной мудрости. В связи с этим нельзя не поставить в серьезный упрек историкам философии очень малое внимание, уделенное ими философии азиатского Востока. Историки философии отводят слишком много места детальному изложению произведений различных «фабрикаторов систем», перекраивающих, а чаще калечащих идеи немногих светочей философии, – в то же время или совершенно опускают эту великую страницу в истории духа, или посвящают восточной философии краткие и безжизненные очерки, столь же далекие от действительного величия творений восточной мудрости, как далека фотография неба от его живой, бездонной шири и глубины.

Более глубокое влияние восточной философии на западную едва ли было бы бесплодным. Нашей философии недостает именно того, чем богата восточная, — недостает мощной *личной мудрости* как начала жизни в духе, благе и истине. Наша философия склоняется на путь рационального познания вечных начал; восточная же — скорее живое *сознание* бессмертного и бесконечного бытия, глубоко духовное личное соотношение с ним.

Кто был Будда Гаутама? Постепенное забвение действительного образа Гаутамы в буддийской литературе и превращение его в сказочное, почти уже неземное существо вполне понятно — и мы не бросим камень в тех, кто в наивной любви потрудился над внешним украшением истории жизни этого удивительного человека. Столь прекрасен, необычайно светел был тот образ, таким дивным видением прошел Гаутама по горам и лесам, по чертогам и хижинам далекой Индии, такой чистой, далекой от всего земного, даже в самом источнике своем, казалась мысль его, что удивленные ученики и последователи не могли да и не хотели верить, чтобы это был *только человек*, земной и смертный, — и сказания о нем, переходя от поколения к поколению, все более и более отнимали его у земли.

Европейские исследователи буддизма, не связанные с именем Гаутамы сердечными связями долгого теплого поклонения, естественно, легче различили черты его действи-

тельного образа сквозь ореол легендарных сказаний, которым, как чудным венцом в лучах правды и суеверия, мечты и мудрости, окружена теперь память о нем у чтящих его народов.

Однако, если современный исследователь видит в Гаутаме только мудреца, он тем самым не только не развенчивает его, но, напротив, возвышает. Ибо ясно тогда, что в человеческом духе созревали те возвышенные мысли, которые возвестил он людям; что среди земли, ее праха и зла выношено то сознание иного, лучшего, нездешнего – сознание по живости и яркости близкое к действительному созерцанию.

Великое слово Истины не приемлется равнодушно. Оно встречается жаркой любовью теми, чьему смущенному духу в том слове засветилась радость разрешения; но люди, которых оно обличает, для чьей порочной и презренной жизни в том слове видится не свет успокоения, но пламя стыда и совести, – те на призывы к чистой и бессмертной радости отвечают только новым бушеванием злобы.

В немногих словах Истины, за много веков пронесшихся над землей, есть живая дивная сила. И этой силой, запечатленностью те слова так отличаются от слов обычного людского понимания и научения, родившихся среди забот земной жизни, ее раздоров, борьбы, в ее неприветливой атмосфере! Та сила слов Истины никогда не иссякнет. Переносясь через века и народы, говоря всем, но не всеми понятое,

как бы минуя непонимающих, невнемлющих, слово Истины проникает в душу того, кто, окруженный злом и порочно-стью, провидит чистое, безгрешное бытие и среди неправды тоскует по бессмертию любви, правды и счастья. И эта близость к душе мудрого, притекшего света истины, дает его речи ту мощь, властность, которая так поражает людей, которой так радуются в чистой любви чистые сердцем и страшатся порочные и суеверные. Немного в истории человечества вещих мудрецов, и среди них яркой звездой, льющей свой безгрешный свет, не мерцающий, но успокоенный и замерший в чудной красе, светит мудрец великой Индии Гаутама, – и в этом неслучайная тайна покоряющего влияния его личности на современников, последователей и на всякого, кто не потерял способности воспринимать красоту духовной жизни и любить ее.

Внимательно вчитываясь в древнейшие из буддийских сказаний, мы заметим, что и современников своих Гаутама пленял не особенными делами (с внешней стороны его жизнь не была богата ни событиями, ни подвигами) – он пленял их только своей речью, в дивной любви и тихой правде несшей исцеление больной и смятенной душе притекшего...

Содержание Сутта-Нипаты, со стороны поучений, преподанных от имени Гаутамы, распадается на три раздела: 1) поучение мудрости как жизни в духе и истине; 2) изъяснение личного духовного делания, ведущего к совершенству, ко-

торое выражается: субъективно – как состояние неизменной тихой радости, объективно – как чистая безгрешная жизнь среди людей и других живых существ; 3) осуждение деятельности современных ему ученых-толкователей, схоластически настроенных брахманов. Гаутама – вовсе не основатель религии; буддизм как религия развился путем исторического процесса, во многом ниспав с той высоты, на которую поставил Гаутама провозглашенные им начала светлой и мудрой жизни, приняв многое из того, против чего, поучая человека одной лишь чистой духовности во всех его отношениях к здешним и иным сферам, всегда боролся и что глубоко осуждал Гаутама (ритуал, увлечение внешностью, схоластичность и т. д.).

Гаутама был мудрец в полном и чистом смысле этого слова. Есть мудрость и *Мудрость*. Одна в образе утонченной философии охватывает область умопостигаемого, отвечая *интересам ума*, но не *запросам души*; в другой – разрешение самых жизненных вопросов, тех вопросов, сомнение, неуверенность в поисках ответа на которые и, отсюда, еще сильнее растущая необоримость их в искренней и страстной душе рождают обычно безысходную, неисцелимую тоску, близкую к отчаянию, нередко зовущую к смерти... Подвижники этой второй Мудрости – вдохновенные борцы и водители; познание неотделимо для них от жизни, и великие идеи, провозглашенные ими, становятся живыми началами жизни. Сквозь слово, взгляд, мысль, всю жизнь тех мудрецов све-

тится нечто прекрасное, необычное здесь, но понятное человеческой душе, принимаемое ею в любовь, радость и надежду своих сокровенных дум. Может быть, окружающим поступки тех людей кажутся странными и непонятными, может быть, их мысль стоит особняком, не согласуется ни с направлением той эпохи, ни с мировоззрением, принятым за норму сегодня, тем не менее в их думах, в их жизни даже самый холодный и враждебный им человек чувствует нечто светлое и новое, что, раз явившись, уже никакой силой не вычеркнется со страниц истории духа... Кроткие, терпеливые, с сомкнутыми в великом молчании устами, отверзающимися только для слов любви, правды и помощи, со взором, устремленным к небу, с душой, внемлющей торжественным шумам бесконечной жизни, они проходят по свету своим одиноким, непроторенным путем. Их слово говорит с душой слушателя не в настоящем только моменте ее понимания, ее интересов, забот, но как бы чудесной властью восстанавливая для нее все ее переживания, все ее прошлое в связи с настоящим и представляя необходимое будущее; тем мудрецам как бы действительно открыта тайна другой души, и часто то, что самому носителю кажется еще добрым и радостным, но что в будущем неминуемо принесет ему печаль и горе, уже и теперь воочию видится тем мудрым как связанное неизменными и тайными нитями с грядущим страданием. В их связи с людьми есть что-то иное, чем общие правила человеческих отношений, и какая-то высшая мера, властная и требующая,

лежит в основе суждений мудрого о людях и жизни.

Много хвалебных наименований получил Гаутама от своих учеников и толкователей, но, думается, самое верное и точное имя его *Пробужденный*. Он как бы пробудился здесь среди дремлющих людей, то рождающих радужные нестройные грезы о мире и жизни, то истомленных болезненными, кошмарными сновидениями... Правда, земная жизнь – сон, то томительный, то ласкающий; люди все грезят, как во сне, чего-то ищут, к чему-то стремятся, и, как во сне, они не могут отдать себе ясного отчета, для чего это постоянное волнение, эта жажда, борьба, замыслы?.. Гаутама стряхнул с себя сон со всеми его мечтаниями и сквозь убегающие его призраки увидел свет незакатного дня – он понял, что истинное и должное, обычно видимое в земном, здешнем, в действительности лежит не здесь и дышит не случайным земным дыханием. И вот он, в борьбе с набегаящими со всех сторон шумными волнами жизни и ее мечтаний, зрит *действительное бытие*, светлеющее сквозь разорванные туманы здешней действительности. И чем светлее открывающиеся пред ним глубины бесконечности, тем тусклее земная жизнь, тем настойчивее сознание ничтожества всего ее важного и значительного.

Но для того, чтобы *пробудиться таким образом*, в душу человека должно войти нечто новое, что осветило бы неподкупным светом все ее содержание и представило бы окружающий мир в реальном виде, а не в фантастических образах

то милых, то злых сновидений. Если увлеченные этой жизнью только переживают смутно и пассивно колеблющиеся впечатления, то мудрый, взирающий на мир под иным, бесконечно верным углом зрения, ясно видит реальную жизнь и судит ее. В духе своем он стоит выше мира, он не наращивает собой бесцельные звенья бесконечной цепи существующего – нет, он сознательно соотносится с миром, и это его соотношение – *велико, духовно и свободно*. Он то любит земной мир благословляющей любовью, то негодует за те порывы злобы, смятения, которые темной позорной волной пробегают по его сферам, то плачет о людском падении, то рвется вдохнуть в отношения между людьми новую силу, силу правды и красоты, и он знает – о, как верно он знает это! – что есть благая сила, всегда близкая, всегда готовая преобразить и возвысить эту жизнь, смутную и стесненную, нерадостную...

Мысль человека определяется *своим источником*: есть мысли, выношенные любовью, есть мысли, выношенные злобой, раздором; хитрость, лукавство, честолюбие так же создают свои мысли, как и правда, совесть, чистое влечение к истине. Красота и святость духа человеческого – его *думы о вечном* вырастают в той безгрешной глубине души, где уже не отражается ничто земное и тленное, где только чистые впечатления духовного бытия встречаются с чистой душевной любовью.

Одно мы постигаем мыслью, иное – чувством, иное – ощу-

щением, иное – связью тех или иных из этих элементов душевной жизни. Но помимо того есть *целостно-душевное постижение*, в коем душа наша соотносится с тем высшим бытием, которое представляется ей только как сущее, но не охватывается мыслью. Если в исследовании души наблюдатель ограничивается лишь созерцанием происходящего, так сказать, на ее поверхности – в сфере сознавания, то все живое соотношение души с бесконечной, не огражденной материей сферой бытия остается незамеченным, невоспринятым. Чем ближе к поверхности, тем в сфере сознания больше земного, преходящего, минутного; чем дальше в глубь души, к источникам ее непомутневшей духовной жизни, чудно сохранившей впечатление святого, вечного, тем отдаленнее и темнее земная жизнь и ближе живые лазури бесконечности...

Самые возвышенные идеи – всегда и самые глубокие, трудно сохраняемые в живом, негаснущем изъяснении пред душой; они являются скорее как венец понимания, чем как его начало и всегда близкие моменты разума.

Возвышаясь над земной жизнью, как бы теряя соприкосновение с ней, душа мудреца своей жаркой любовью, своей ждущей мыслью прикасается к иным, чудным сферам. Бездонные шири и глубины вселенной становятся прозрачнее, и ее просторы, без конца и начала, ничем не стесненные, насквозь проникнуты ощутимой радостью, светом, бесконечно льющейся благодатью... Встревоженная, еще не верящая,

но побежденная очевидностью, восхищенная душа мудрого, светясь вечным светом истин, излучает новую жизнь и любовь, никогда не загоравшуюся в ней и, казалось бы, даже невозможную прежде. Близко, близко чувствуется явная суть и истина, новая, нежданная, поразительная... Что не предполагалось даже в высших ожиданиях, что едва предчувствовалось в самых чистых и светлых думах – вот оно, безмерное, незримое, близкое душе, уже не в мечте, не в отвлечении, не в отдаленном представлении, но жизненно неотразимо, блаженно ясно. И вся душа замирает в дивном внимании...

В те минуты мудрец переживает столь благостные, невыразимо истинные впечатления, что даже и самый слабый след, оставленный ими в его душе, говорит ему несравненно более о вечных истинах и святынях бытия, нежели все выкладки разума, все его отвлеченные построения. В великих переживаниях души – источник тех *бессмертных знаний* человека, для которых так мало опоры в его мыслях, опыте и рассуждениях, но которые такой мощной *вечной уверенностью* в чудных глаголах несутся от века к веку...

Возвращаясь от чудных видений к земной жизни, мудрец еще глубже сознает всю печаль ее обычного образа и тот позор, которым окружены люди, избравшие тленное, земное и грешное, когда чистое, небесное, непорочное всегда так близко душе. Мудрец не остается равнодушен к происходя-

щему, он зовет людей к высшей жизни, трогает их сердца, заставляя встрепенуться в стыде и надежде, осознать настоящий позор, возлюбить благое. Нужно, чтобы стыдно стало влачиться в грязи, когда вечно непорочное, вечно чистое зовет к себе человека. Нужно, чтобы грешный сам осознал, в жаркой мольбе и слезах, стыдясь прежнего, проклиная себя, – осознал, какой он грязный, злой, развращенный, чему он радовался, что любил!..

Только та нравственность незыблема, которая, может быть, и не богата точно сформулированными правилами, но зато неизгладимо начертана в самой душе как живой, негаснувший источник непорочной жизни. Оттого-то и нравственные веления мудрецов направлены к самой душе человека: «Прежде всего, в твоей душе будь благ, праведен, прекрасен». В ком это веление живет не как поучение, но как живое начало души, тому не нужны правила, как поступать в том или ином случае, к чему идти, чего избегать, ибо, ясно осознавая вечно праведное, он уже не ошибется в выборе должного и нужного во временных, преходящих событиях. В чьей душе жизненно ясно теплится память о вечном и светлом бытии, вся жизнь того человека – и явная для других, и ото всех сокрытая – во всех своих переливах будет только благодатна, прекрасна, возвышенно нравственна. Ибо бесконечность красоты и правды, приникшая к его душе, отразится неизбежно и в его жизни светлостью дум, чистотой чувств, безгрешностью желаний...

Зло и неправда зарождаются в душе, отдалившейся от света жизни. Мутной становится глубь души, что-то недолжное, нечистое входит в нее, возмущает ее прежде светлые струи. Холодная враждебная сила сковывает мысль, заставляет забыть обо всем, кроме земного, ближайшего. Доступность, всегда близкая сладость телесных ощущений; возможность угнетать ближнего, извлекать себе посредством него личные наслаждения; возможность насилия, лжи, блуда, праздности; обилие путей, проторенных и испытанных людьми, опытными в деле изыскания легкой, приятной жизни, тех путей, где хотя бы понемногу в каждом частном случае, но в общем весьма обильно накоплено мелкой лжи и душевной низости; житейская опытность, живые примеры «завидной жизни», вконец разбивающие «мечты» неопытных идеалистов, – все это в конце концов подчиняет себе человека, шедшего к жизни, может быть, с лучшими намерениями, но с душой, не готовой к борьбе и охранению своих святынь, и вводит его на тот путь, где уже навсегда и безнадежно гибнет всякая задушевность, сердечность. Не мудрено, что чаще встречается вера во зло, чем вера в добро, – ведь, к ужасу, эта вера легко оправдывается: жизнь венчает лаврами не того, кто борется с ней во имя высшего, но кто подчиняется ей, льстит, как ее послушный раб; зло чаще всего ведет с собой наслаждения; насилие, ложь, лицемерие, бесчестность, увы, слишком часто, чтобы это было только исключение, только случайность, возводятся в разряд избранных... Все более и более ласкаясь

ко злу, уже от него только ожидая себе счастья, человек, естественно, в злой своей жизни видит не ложное, но необходимое и должное. Сознанию человека ясна только отдалившаяся ложь жизни, но не ложь, поработившая его душу: будучи во зле, никогда нельзя различить, что это состояние нашей души, ласкающее нас, приятное, доставляющее нам немало наслаждения в тех или иных видах, в действительности есть зло. Нужно, чтобы в сферу нашей душевной жизни прорезался луч правды, ибо только в нем рельефно выделится для нас же, в нашем сознании, пагубная порочность, которой мы подчинились так позорно...

Корень зла лежит в самой душе человека, в ее решении. Есть три источника зла.

Природа, будто враждующая с человеком, противоборствующая ему, но и легко подчиняющаяся его силе и его разуму, открывает неисчислимые вещественные блага, близкие, доступные, всем понятные, соблазнительные. Обольстившись, приняв природу за исключительный источник верного счастья, человек в благой природе обретает источник зла.

Так странно и смутно складываются человеческие отношения, что кажется, будто сама жизнь стремится к тому, чтобы один человек не увидел в другом родного и близкого себе, чтобы стал сознать в нем не того, *с кем* ему должно жить и братски радоваться в великом мире, но *через кого* он может найти себе личные, не разделенные с ближним радости жиз-

ни. И вот, замкнувшись в себе, избравши такое отношение к другим, человек в этом решении обретает второй источник зла.

Много вражды и горя видит в мире человек, и будто – все безучастно к горю и помогает вражде. Смутившись видом неправды, мнит человек, что уж и нет нигде благодатного теплого луча, нет ни любви, ни правды, и весь этот мир – только мертвое место, и все в нем – только тоска, неправда и смерть... Здесь третий источник величайшего зла, ибо эта мысль приводит к безысходному отчаянию людей с благородной душой, а в низких укрепляет веру в насилие, в безнаказанность зла, в безучастие к путям жизни.

Чем побеждается зло? Каким путем может человек не только заглушить временные приливы зла к своему сердцу, но навсегда устранить саму возможность возникновения в себе тех чувств, мыслей и желаний, которые несут печать зла и позора?

Как выбор зла лежит во внутреннем решении человека, так и действительная победа над ним опирается на свободный выбор. Только сознанием бесконечного бытия, только глубоким ведением того, что *не все бытие* исчерпано землей, человеком, его падением, грехом и злом, что *есть* высшая, благая жизнь, неиссякающая в любви и правде, исцеляющая всякую скорбь, – человек укрепляется неодолимой силой в борьбе со злом. *Надежда, любовь и уверенность*, радостным светом окружившие в душе человека его дивную

думу о вечном, – источник той благостной силы, которая сокрушает зло. Кто поймет сущность всех источников зла и в великом решении пренебрежет всем, чем обольщает зло, презрит все это и не усомнится во благе, правде и славе высшего бытия, не усомнится в нем, окруженный неправдой и горем жизни, пред тем бессильно, ничтожно, *мертво* зло...

II

«Некогда вышел из Капиляватту великий Рулевой мира, отрасль царского рода, сын Шакья, несущий свет; он – совершенный Озаренный; он достиг силы всех знаний; все открыто очам его; он разрушил все звенья жизни и радуется, свободный, в Ниббанае; он – Будда, он – Блаженный на свете, проникший в суть всех вещей, поучает Истине» (ст. 990–992).

Каково же было учение мудреца Гаутамы? Насколько оно выясняется в нашем памятнике, это есть учение о достижении личного нравственного совершенства, выражающееся внутренне в ощущении непорочного счастья, а внешне – безупречно-нравственной жизнью. Неведенье, бессилие души, победа плотского элемента над духовным, болезни, скорби, тленные утехи, купленные ценою обид, зла, горя, обмана и насилия, смерть не разрушающая, но ведущая к новым мучительным блужданиям – вот обычный невеселый вид земной жизни, по учению Гаутамы. Сознание бесконеч-

ного, мудрость, победа над плотью, счастье, не купленное никакою ценою, но благодно воссиявшее в духе под лучами Вечной Истины, – вот новая жизнь исцеленного духа, которую возвещал Гаутама как Ниббану, духовное блаженство, состояние покоя.

Рассмотрим главнейшие моменты его учения о духовном совершенстве, как это учение изложено в настоящих текстах.

Естественно, человек, лишенный живого судящего сознания о добре и зле, о должном и недолжном, во всем, происходящем на свете, не увидит ничего, кроме мрачную полосу залегшего в сиянии незакатного дня бытия; он не различит те волны зла и греха, которые захватывают человека и влачат его, бессильного в борьбе с ними, будто обреченного на жертву, не заметит и тех «стрел отравления», которые носятся по свету, пущенные в душевной ночи враждой и злобой. Те стрелы носятся повсюду, не разбирая ни правых, ни виноватых, готовые вонзиться в первое попавшееся на их пути людское сердце. Пока «стрела страданий» не коснется сердца человека, он никогда не задумается ни о печалях этого мира, ни о благодати той судьбы, которая лежит в основе человеческой жизни. Только человечно-отзывчивому мудрецу свойственна постоянная нравственная оценка происходящего, и Гаутама был одним из таких мудрецов, искренне жаждущих красоты и благодати в земном человеческом образе.

Смотря на мир как бы «с иного берега», окруженный в своей душе одними лишь чистыми и светлыми образами,

присматриваясь к общему выражению земной жизни и к тем ее чертам, которые неподкупно выдают правду о сокровенно происходящем в ней, Гаутама был поражен видом скорби, фатально тяготеющей над смертными. «Непонятна, неизведанна жизнь смертных в этом мире, сумрачная и краткая, проникнутая страданием» (ст. 574). Люди и боятся этой жизни, и инстинктивно влекутся к ней; обольщенные ее многосулящими и малодающими призраками счастья, они как будто стремятся расширить обычные пустые радости жизни, чтобы закрыть те страшные виды болезней, несчастий, смерти, которые всегда так недалеко и которые, как злоеущие темные привидения в «Фаусте» Гете, носятся по земле, намечая все новые и новые жертвы. «Вижу я в этом мире боязливую породу, порабощенную жаждою жизни, – это несчастные люди, тоскующие в пасти смерти, поглощенные потоком возрождения» (ст. 775).

Человек возвышенной души не останется равнодушным к виду этого рокового страдания; он не мирится с видимой участью людей, зная, что есть и должно быть несравнимо лучшее и чистое, чему бы суждено украсить образ освободившегося человека. «И когда я увидел, как встревожены здесь все существа, я огорчился глубоко; тогда я увидел в мире стрелу, никем не зримую, вонзенную в сердце» (ст. 937). Заветной мыслью Гаутамы было освобождение людей от неиссякающего великого страдания. Постигнув действительный вид этого мира, разгадав причины кажущейся необ-

ратимости его соблазнов, он ясно увидел и возможность полной победы над недоброй силою, которую развивает эта сторона бытия, называемая теперь вещественным миром. Кто побежден этой силою, кто безвольно влачится в жизни, захваченный непрерывной цепью «возрождения и разрушения», кто, увлекшись зовущими улыбками коварной жизни, сам стремится как можно крепче связать себя со звеньями существующего – тот радостями жизни кует себе оковы скорби, недугов; сам страдает и грешит, сам мучится и мучит других. Сознанием высшего, доступного людскому духу, знанием «Несравненной Чистоты» человек победит эту недобрую силу, сокрушит все соблазны внешнего и вырвет из своего сердца уже ставшие частью человеческой природы жажду земных радостей, стремление к обладанию, похоть и влечение; тогда, исцелившись от земных болезненных желаний, он воссоединится духом с той светлой непорочной жизнью, которую он возлюбил и избрал в великом и свободном решении... «Вид, звуки и вкус, запах и прикосновение опьяняют людей» (ст. 386). «Кого водят здесь страсти и похоти, кого научают желания радостей – трудно освободиться тому, прилепленному к бывшему и будущему, мечтающему о новых радостях, сладко вспоминающему прошедшее...» (ст. 772). «Какое бы ни возникло страдание в этом мире, всегда причина его – начала существования; кто в неведении творит их, тот подпадает страданию; итак, будучи мудры, не сотворяйте звеньев существующего, ведая, что есть рождение

и где – семя страдания» (ст. 727). «Погубленные прикосновением, несомые потоком жизни, идущие путем зла никогда не освободятся от уз; понявшие опасность прикосновения, избравшие радости угашения выходят из этой обители прикосновения свободные от желаний, в совершенстве счастливые» (ст. 735–736).

Велико людское страдание, и, видимо, так мало людей, которые принесли бы свою теплую любовь страдальцам, поддержали бы изнемогающих и научили бы их крепко стоять против злых напоров, а тех, от кого порочными волнами несется горе ближним, устыдили бы неподкупным словом, заставили бы понять, как они оскверняют мир своим присутствием. Где же наставники, водители? Отчего их нет ни подле страдающих, с врачующим елеем милосердия, ни там, со словами обличения, где торжествует неправда?.. Увы, от них всего чаще сторонятся первые, инстинктивно боясь их прикосновения к своим сердечным ранам; вторые же явно презирают их, сознавая все внутреннее ничтожество и бессилие наставников, богатых добрыми речами, многими поучениями. Пусть они – многоученые знатоки, пусть поучают многому, понятному для ума, но они *не властны над душой человека* и не могут ни связать душу, готовящую для других зло и страдание, ни разрешить смертную тоску души, сжатой в тисках неправды...

«Много учений прошло через мир, но – кто сам закован

в цепи, того не зови расковать себя» (ст. 939). Значительная часть IV книги нашего памятника² посвящена осуждению того рода поучений, который выбрали современные Гаутаме брахманы и философы, забывшие и свою миссию, и тот подвиг, который Вечная Истина поручила им совершить на благо и счастье людей, и те надежды, которые возлагает на своих духовных вождей человечество. Зачастую в учениях брахманов и философов, видимо, вовсе и не было ответов на те вопросы, которые рождаются не в спокойном любознательном уме, но в страстной жажде возмущившейся души, тоскующей в духовном *недуге вопрошения*. О, как высоко должны бы они стоять над людьми, как чисто должно бы быть их слово, какая возвышенная совесть должна бы руководить ими в мысли, познании и поучении и какая священная тишина должна бы окружать место их служения! Но нет, они столь же пусты и суетны, как и простые смертные. Мудрый Гаутама глубоко возмущался достойными презрения обычаями этих руководителей духовной жизни людей. В текстах живо и ясно описаны эти упорные споры и соревнование между школами, настойчивость и самовосхваление, основанные на самолюбии, – борьба, внесенная человеческой порочностью в дело, действительный дух которого есть утешение, чистая любовь к истине, правда стремле-

² Некоторые места в тексте IV книги представляли крайние трудности при переводе – как со стороны толкования, так и со стороны стиля – трудности, не безусловно разрешенные даже Фаусбеллем.

ния, благостыня цели. Недобросовестность в отношении к противнику, вражда, лицемерие, торжество софистики, изворотливость – все эти атрибуты словопрений получили верную оценку Гаутамы, то в словах горькой насмешки, то в словах грустного сожаления.

«Ищущие ученых пререканий, собравшись кучей, как глупцы, пятнают друг друга, возбуждают споры, жаждут похвал и считают себя знатоками» (ст. 824). И вот рядом с этой толпой мелочных людей, вторгшихся с поношением, злословием, клеветой в храм Вечной Истины, к ее непорочному жертвеннику, куда бы должно нести от земли только оливковые ветви мира и утешения, светится образ мудрого человека, питающего свою мысль из бессмертных источников. «Вижу я здесь чистого человека, прекрасного, исцеленного, очистившего все свои помыслы; он в своем искании увидел высшее и вот вновь возвращается на путь постижения, ищущий непорочного» (ст. 787).

Поглощенные ничтожными интересами суетной жизни, сами увязшие в той же, обычной для простых смертных, «трясине похотей», современные «Гаутамы» были в душе своей слишком далеки от той непорочной жажды правды, любви и заступления, которая привела Гаутаму к верным ключам неизменной и чистой жизни, побеждающей всякое зло и неправду. «Погрузившись во мраки этого мира, брахманы и отшельники не видят ясно – увы! – они не знают пути, которым пройдет Победитель» (ст. 440).

«Горе жизни в этом мире! Смерть в битве лучше для меня, нежели жизнь побежденного» (ст. 439). Так помышлял Гаутама, сокрушенный участью людей, будто жаждавший в великой любви своею грудью защитить их от соблазнов, горя и обольщения, которые широкими потоками льются через земную жизнь, губя безвинных, издеваясь над надеждой, глумясь над чистотой и непорочностью... Торжествует неправда, прежде верившие своим робким надеждам на благое уже не смеют, боятся более верить, все чаще слышится насмешка над прежними мечтами, гаснут светлые думы... Где утешение, кто вдохнет утраченное счастье благой уверенности, когда и святилище Духа стало ареной публичных зрелищ, школой упражнения в спорах, местом утех и улов низменного самолюбия?.. Как нужны в такие минуты люди великого понимания, которые могут приблизить к душе жаждущих чудное видение благодистой жизни, обычно далекое, лишь светлым образом выделяющееся на фоне земных мраков, но не соприкасающееся с ними, отступившее от них к далям бесконечности!..

«Как луч света, ты блеснул сквозь мраки этого мира» (ст. 538). Учение Гаутамы было неотделимо от самой его благой жизни. Нельзя было не верить его словам: он собою наглядно показал, какова сила человеческого духа, в чистой красе воспрянувшего под призывающими благодатными лучами Вечной Истины... «И когда я живу так, покинув все внеш-

ние чувства, мой дух уже не жаждет плотских наслаждений – воззри же теперь на чистоту человека!» (ст. 434).

Все духи и боги взирают в ту минуту на мир удивленно и благоговейно: вот среди этой робкой людской толпы, побежденной прахом, возвысился некто, сильный духом, со- знавший *незримое, неслышимое, неосознанное вечное бытие*. Чудным порывом уверенности в вечном благе и правде он вырвался из тисков земного тленного мира... «Я – царь, царь несравненный, я – Царь Благодетеля. Правдою я повернул Колесо, то Колесо неодолимое» (ст. 554). В великом презрении он оттолкнул все улады мира, уверенный в Несравненной Чистоте, возлюбив бессмертное бытие. Его чтит сам Брама.

Постижение Гаутамой Вечной Дхаммы, по выражению текстов, было непосредственно, внезапно, мгновенно. Это было то необходимое решительное событие в жизни мудреца, которое называется обычно прозрением. Дух мудреца не поднимался от одной ступени уразумения к иной, высшей, не восходил от одной истины к другой, впредь до высочайшего момента постижения – но с одной из них, может быть еще близкой к земле, проник в вечные сферы, миновав в чудном порыве те подтвердительно-возводящие истины, логическая разработка и обоснование которых еще долгое время, может быть, будет мучить философов. Моментом ясного сознания завершилось движение духа к истине, и с той поры в душе мудреца неотъемлемо теплится память о *великом*

решении, независимо от человека, даже недоступном ему в своих глубочайших основах, но ясном его душе в своей верности бессмертной правде. Тогда наступает новый, ясный, без рассвета и сумерек, радостный день для мудрого, и его безбрежная духовная жизнь чужда и недоступна отныне ничему земному и преходящему...

«Благая жизнь возведена мною; в этой быстротекущей жизни не тщетно принять подвижничество, вступить на путь уединения» (ст. 567). Путь подвижничества, по учению Гаутама, – высшее благо; труды, суровость – только внешний вид, но его внутреннее состояние – радость, самая тихая и чистая из всех радостей, доступная только человеку, переступившему грань земной жизни. «Провидя горести в радостях тела, помышляя о счастье забвения света, я пойду, предаваясь подвигам, – в том восторг моего духа!» (ст. 423).

«Какая туча закутала мир? Отчего он не светится? Что оскверняет его? В чем его великая опасность?» – «Тучей неведения омрачился мир; от жадности он не светится; желание оскверняет мир; великая опасность его – страдание». – «Вот повсюду несутся потоки желания; что же укротит их стремление, что остановит их бурный напор, чем запретятся потоки?» – «Какие бы потоки ни неслись по свету – разум остановит их, мудрость укротит, и познанием запретятся они» (ст. 1031–1034).

К дремлющим людям, окруженным опасностями, прита-

ившимися во мраках жизни, обратил Гаутама слово призыва, чистое, как любовь, сильное, как правда. «Встаньте, встаньте! Что вы дремлете? Что за сон у недужного, отравленного ядом страдания, тоскующего... Встаньте, встаньте! Учитесь жизни, ведущей к миру, дабы властелин смерти не воспользовался вашей беспечностью и, обольстив, не подчинил бы вас своей силе...» (ст. 330–331). Он призывал людей понять, какие дурные силы скрыты в том, что всегда их привлекает к себе, призывал решиться отбросить мимолетные улады, чтобы обрести несравненно лучшее, негаснущее счастье. «Взгляни, как люди связаны своим телом, взгляни, как они, беспомощные, страдают его страданием; не будь же беззащитен, забудь свое тело, чтобы вновь не возвратиться тебе на путь существования» (ст. 1119). «Всмотрись в этих людей: как впилося в них желание, как их мучит и сокрушает смерть!.. Будь осторожен и оставь желания, чтобы вновь никогда не прийти тебе к существованию!» (ст. 1121). Освободившись от власти тела, как бы совершенно пресекаши в себе пути соприкосновения с внешним миром, затворившись от всех его влияний в своем духе – в этой келейке чистоты и непорочности, углубившись в свои «думы и радости», каждый порыв которых – новое лобзание вечности, мудрый, одинокий и нищий на свете блаженствует в дивном душевном покое. «И на радости, и на печали, и на стремления к ним, к тем радостям и печалям, внешним и внутренним, смотря как на страдание, изведавши все это гибнущее, хрупкое, ви-

для всеобщее разрушение, – от них отвращается нищенствующий, гибелью чувств освобождаясь от желания, обретая совершенное счастье» (ст. 737–738). Новое, тихое счастье приливает к сердцу человека, исцеленному от прежних немощей, тревог, страстных движений, не дававших прежде покоя все возникавших желаний. «Избегай всего, что ласкает дух, что зажигает в нем страсти; обратись ты духом не встревоженным, ясным к тому, в чем не видит мир радости» (ст. 340). «Возлюби бестелесное, оставь навсегда наклонность к горделивости; сокрушив ее, ты пойдешь своим путем одиноким, тихий, успокоенный» (ст. 341). Тихи думы мудрого, далеки от земли думы успокоения – не тревожные, не страстные; в его душе едва колышется уставшее земное, и новая жизнь, прозрачная и нежная, как вечерняя заря, миром и тишиной притекает к ней.

Подвиг угашения в духе всего земного, страстного есть действие очищающей сознательной силы. Как же велика должна быть эта сила, если она может действительно победить такие злые энергии, долгое, долгое время крепнувшие в человеке, как похоть, вожделение, вражда, самолюбие! Насколько живой и искренней должна быть уверенность в радости и правде той жизни, которая приближается к душе с каждым моментом ее освобождения, чтобы человек свободно и сознательно решился отказаться от всех усад и обольщений земного мира!

«Вида, звука и вкуса, запаха и прикосновения – вот чего

жаждут люди здесь, очарованные, прельщенные. Мир людей и богов видит в них счастье и, когда нет их, скорбит сильно. Но благородные только в прекращении телесного существования видит наслаждение – вот в чем мудрый возвышается над всеми мирами. Что безумцы зовут радостью, то благородные называют страданием; чего избегают безумцы как страдания, в том благородные обретают радости – вот пред чем в недоумении стоят неведающие, вот чем так смущены они. Кто закрылся, тот не видит, кто слеп, для того все темно, но благому есть благое возвешение, зрячему – свет; ослепленные неведением, даже ходя около Закона, ничего не различают в нем. Кто побежден земными страстями, кого несут волны течения жизни, кто пребывает в области Мары, тот никогда не постигнет в совершенстве Вечного Закона. Только благородный удостоится великого разумения. В совершенстве познавший состояние Ниббаны, освобожденный от страстей, навсегда угасает здесь» (ст. 758–764).

Путь подвижничества, по учению Гаутамы, есть процесс полного уничтожения земной жизни; это не значит, однако, что и сам субъект этой жизни, дух человека, также обращается в «ничто», или, как это нередко сейчас утверждается, погружается в бездонную пучину темного небытия. Понятие «угашение духа» не тождественно в тексте нашего памятника понятию «уничтожение, окончание, смерть духа». Текст чаще всего говорит прямо об угашении в духе всего того, что отдаляет от истины, чистоты, бесконечного бытия, блажен-

ства, что порабощает дух человека, сковывает его, отдает во власть соблазнов, греха, пороков. Угашение, освобождение, исцеление, успокоение, достижение счастья, неиссякающая безгрешная радость и т. д. – все это синонимы в речах Гаутамы. Угасший дух не иссяк в бытии; он угас для земного мира, но пребывает в бесконечных просторах чистой духовной жизни. И как бесконечное бытие представляется земной мысли непостижимым, неуловимым, непредставляемым, подобно реальносущему, так и жизнь духа, угасшего для земли, неуловима, непостижима, недоступна восприятию, ибо отныне та жизнь мерится уже не земною мерою... Нельзя обвинять тексты, что они не дают нам ясного описания того состояния, которое именуется Ниббаной, блаженством погашения, или же не дают нам возможности по следам описания лично испытать это состояние, чтобы решить, что же это такое в действительности. Во-первых, описать духовное состояние – безразлично, каково бы оно ни было, – по внутренним его субъективным признакам, как специфическое душевное ощущение, невозможно; и все «описания» сводятся исключительно к изображению впечатления, сопровождающего известное чувство или душевное состояние, но само оно как таковое доступно только личному опыту и субъективному наблюдению; поэтому человек, не испытывавший известного состояния духа, никогда и не поймет его, и никаким путем не составит о нем даже приблизительно верного понятия. Во-вторых, те идеи, которые увенчивают высо-

чайшие построения мысли, те чувства, которые волнуют душу в ее высших, бессмертных созерцаниях, те образы бесконечного бытия, отрешенного от всех условий чувственного восприятия, которые сознаются в думах о вечном, — никогда и никем не описаны и никаким способом не могут быть изображены наглядно для тех, кто хочет прийти к ним внешним образом, а не путем душевного подвига в любви, мысли и чистом вдохновении. Как может мудрец заставить других испытать то, что сам испытывает так полно и совершенно, если в них нет душевной готовности к восприятию великих впечатлений?! Ведь мы часто видим, что там, где для мудрецов и поэтов — дивные аккорды, блеск истины, бесконечная жизнь торжества и света, там для большинства — пустые звуки, непонятные порывы, фантастическое настроение. Чем выше испытываемое возвышенной душой, тем ограниченнее понимание толпы. Философ-идеалист сознает Красоту, Благо, Истину как вечные начала, сознает живо, не как отвлеченные идеи, но как реальносущие бесконечности. Мудрецы в своих великих переживаниях чувствуют реально бесконечную жизнь, сущую и неуловимую, светлую и незримую, о которой никто не скажет: где она, что она? — о которой мечтают на земле, боясь, что нет ее, и боясь, что есть она, — но как можно поведать о чудных видениях, как передать испытанное? Все выдаваемое за описание есть только подобие, символы, изображение пути целостно-душевного постижения, но не венца его, и в том моменте душевного переживания

ния, где кончается связь души с конечным и *начинает быть* таинство приближения к духовному миру, там для земного ока – незаполнимый перерыв, невозможность, пустота... В буддийских текстах встречаются прекрасные выражения, рисующие объективную непостижимость, неизобразимость чисто духовного бытия, в совершенстве освобожденного от всех пут земной жизни. Никакие определения, выработанные мыслью, которая привязана к земному и наглядному, не применимы к бесконечному и бессмертному, и сама мысль человека бессильна и ничтожна, когда пытается объективно постичь «безвидное бытие».

Для высшая-высших, открывшейся душе, нет ни меры, ни числа, ни подобия, ни имени. Духовное бытие постигается только духом и в духе; великая грань отделяет сферу вещественного, конечного от сферы бесконечного, бестелесного; необозримые шири и дали расстилаются за той гранью: там – счастье, восторг вечной жизни, и к ее торжественным шумам в ненасытном и сладком внимании всею душою приник мудрец.

«Я разъясню тебе состояние мудрости – мудрости, трудно достижимой людьми, несомой в подвигах. Приди, я научу тебя – мужайся, крепись!» (ст. 700). «Очистившись в раздумии и успокоении, размышляя о Вечной Истине, ты достигнешь освобождения путем познания, ты сокрушишь былое неведение» (ст. 1105). «Тот несравненный остров, где ничем не владеют, где ни к чему не влекутся, я называю Ниббаной,

разрушением смерти и гибели; кто постиг это, тот проникнется размышлением, он утихнет, узрев Истину, никогда не подчинится он обольщениям Мары, никогда не отдастся его водительству» (ст. 1092–1093). «Многое видит, многое слышит здесь человек, о многом мечтает; разрушение же тех желаний и страстных влечений к вещам, дорогим человеку, – вот это и есть неизменное состояние Ниббаны. Кто постиг это, тот исполнится раздумья, утихнет, ибо Истину увидел он, Истину неизменную, божественную; и всякое желание в этом мире сокрушит он» (ст. 1084–1085).

«Вера есть семя, покаяние – дождь, разумение – мой плуг и мое ярмо, смирение – дышло моего плуга, разум – гужи, глубокое размышление – мой сошник. Я охраняю себя в телесности, я блюду себя в слове, я умерен в пище; я ведаю истину, выпалываю плевелы. Любовь – мое избавление; подвижничество – мое выючное животное; оно несет меня к Ниббане, несет, не возвращаясь вспять, не печалюсь о покинутом месте. Когда вспахана моя пашня, она приносит плоды бессмертия; вспахав эту пашню, ты избавишься от страдания» (ст. 76–79). «Тот же, кто, вполне понявши все формы, неколеблемо утвердился в мире безвидного, высвободив дух свой из цепи становления, тот навсегда покидает смерть» (ст. 754).

«Если благородные постигли правду в том, что не ложно, постигли ее в Ниббане – они, объявшие духом Истину, в совершенстве счастливы» (ст. 757). «Кто угасит в себе страсти,

тот вырвет с корнем и ненависть – несвязанный дух его разойдется в любви; и днем и ночью следуя ей, все миры обнимет он безграничным благоволением» (ст. 507). «Вот, я отхожу теперь к неодолимому, неизменному, чему нет ни в чем подобия; никакого сомнения не останется для меня в Ниббанае, для меня, от всего отрешенного в духе» (ст. 1147).

В Samyutta Nikaya, в разговоре царя Пасенади с монахиней Кхемой, глубоко разъяснена невозможность представить себе наглядным образом личную жизнь мудреца: в ней нет никаких земных элементов, никаких движений, возбуждаемых в духе телесностью, – как бездна великого моря, недоступна земному оку, неизмерима, неопишима духовная жизнь совершенного. И когда умрет он, то нельзя сказать, что он «существует» по ту сторону бытия, равно, как и «не существует» там. Нельзя сказать, что он «существует», ибо представление о «нем» связано с «видом и именем», с его внешним, с его телесностью; но отсюда нельзя сделать также и вывода, что «он не существует», ибо безмерная духовная жизнь совершенного не имеет внутренней связи с телесностью и, следовательно, не подлежит смертному уничтожению. Недоступность личной жизни совершенного объективному восприятию делает также невозможным суждение о форме бытия его по ту сторону смерти: есть ли его теперь уже исключительно субъективная жизнь – жизнь безбрежно-субъективная или же сосредоточенно-субъектив-

ная?.. Разрешение этого вопроса – разрешение личной жизни каждого человека, которое рано или поздно приходит ко всем не как умозрительное решение, но как ничем неизменяемая необходимость.

Полагая праздными рассуждения о «форме бытия» там, где нет ни вида, ни форм, ни телесности, в том «мире безвидного», говоря о котором нельзя даже и употреблять слова: «там», «пребывает», «где», «как», – учение Гаутамы анализирует только субъективное состояние духа блаженствующего в мудрости, исцелении и непорочности.

Мудрец, и проживая в этом мире, пребывает как бы вне мира, не касаясь его, – отныне он живет только в своем духе. Если душевная жизнь поработленного есть только почти исключительно пассивное сознавание³ воздействующего извне и возникающего в недрах телесности, то жизнь мудреца ни в какой мере не определяется ни внешними, ни внутренними впечатлениями – она бьет неиссякающим и чистым ключом, свободная в мире, не связанная окружающим. Погру-

³ Буддийский термин *vinnaṇa* переводится обычно, нужно заметить, крайне неудачно, словом «сознание»; действительно, понятие *vinnaṇa* в буддийской философии вовсе не соответствует ни общепринятому понятию «сознание» в европейской философии, ни традиционным нашим представлениям о душевной жизни. Не найдя русского слова, которое адекватно передавало бы термин *vinnaṇa*, мы иногда употребляем понятие «сознание», следуя принятому словоупотреблению европейских переводчиков буддийских текстов, иногда же «сознавание» в смысле того пассивного душевного состояния, в котором переживаются душой как идущие извне впечатления, так и возникающие в духовно-телесном организме влечения, ощущения и т. д.

жившись в свои радостные, лазурные думы, будто начатые где-то в светлых глубинах вечности и опять плывущие вместе с его любовью и благословением в те же вечно сущие радости бытия, мудрец выпал из течения времени, остановившись духом своим в тех просторах, где нет ни движения, ни восполнения, ни начала, ни смерти... «Кто, охраняемый Истиной, приплыл к тому берегу, преодолев все желания, кто, чистый и доблестный, смело сорвал покрывало, окутавшее мир, кто в великой мудрости ведает путь победы над его обманчивыми призраками, тот идет здесь верной дорогой... Кто победил время и в прошлом, и в будущем, чьи мысли исполнились чудной чистотою, чей дух не влечется ни к одному здесь пристанищу, тот шествует здесь верной дорогой» (ст. 371–372).

Мудрец вполне достоин имени *духовного* (брахмана), ибо он ничего не принимает от телесной и вещественной жизни, восполняясь бессмертными впечатлениями. Его мысли – тихие «думы-радости», его любовь – без разлуки, его день – без рассвета и полночи, его счастье не воплощается в земных формах и образах. «Кто расстался с уладами этого мира и забыл все его терния, кто затих, оторвав себя от звеньев цепи существующего, – того, доблестно победившего все миры, назову я брахманом» (ст. 641). «Кто ничего не жаждет, свободный от всяких сомнений, кто погрузился в чистые глубины бессмертия, того назову я брахманом» (ст. 635).

Жизнь мудреца тиха и безмолвна, но эта тишина – непо-

движная глубь небес, покой безбрежной жизни, без стремительности, без желаний, без восполнения. «Поучитесь от вод в глубинах морей и в горных ущельях: шумно бегут ручейки, но безбрежное море безмолвно, едва колыхнется» (ст. 719). Светлая и непорочная душа мудрого отражается во всех переживаниях его жизни красотой, правдой, величием бестелесного бытия, принявшего земной облик. «Озаренный мудростью, ничем не потрясенный на свете, тихий, не тоскующий, не опьяненный страстью, ничего не жаждущий, пересечет здесь старость и рождение» (ст. 1046). «Он – брахман, победитель греха; ничем не овладевает он из того, что видит и о чем знает; никакая страсть не волнует его; ни в чем не увидит он в ослеплении высшего в этом мире» (ст. 794). «В ком не возрастет вновь былое неведение, кто своей дивной мыслью возвысился до путей вечного, кто несет здесь свое последнее тело – тот, всесовершенный в познании, достоин имени Светлого!» (ст. 478).

Нелегко земной путь мудреца, но что значат все труды, соблазны, опасности для того, к кому в великом одобрении и приветии склонили свои взоры Истина. «Сколько опасностей в этом мире тому, кто шествует к бессмертной обители, но он победил их в своем смиренном убежище!» (ст. 959). Мудрый идет своим путем «с опущенным взором, с утихшими чувствами, с духом, не тронутым никакой страстью, не пылая влечением» (ст. 62). Кротостью встречая несправедливость, прощением – обиды, в памяти бессмертного забывая зем-

ное, мудрый ревностно свершает свой великий подвиг, возвещая Истину, призывая к благой жизни. Он – источник счастья для жаждущих непорочных радостей; утратив все обычные соприкосновения с земным миром, он удержал лишь великое прикосновение врачующей любви к недужному людскому сердцу, больному грехом, неведением, тоскующему в незнании вечных обителей... «Не украшаясь, не стремясь к веселию и удовольствиям, этим обычным радостям мира, гнушаясь роскошества жизни, вещая Истину, ты гряди одиноко...» (ст. 58). «Не увлекаемый, не обольщаемый, ничего не жаждущий, никого не обижающий, свободный от страстей и желаний, не подчиненный никаким влечениям, не связанный ими ни в одном из миров...» (ст. 55). «Будьте чисты и живите в непорочности все вы; любите свои глубокие думы; согласные в мудрости, вы придете к концу всех страданий» (ст. 282).

Но если мудрый не увлечен земной жизнью, то, значит, она и не тяготит его. У мудрого нет влечения расстаться с нею, ибо обычной томительной жизни ослепления уже не существует: он переступил грань между преходящим и вечным, взирает в лазурные дали бесконечности – и чего же он стал бы искать, к чему стремиться?.. «Человека, для которого нет ничего обольщающего, который обрел свободу в познании Дхаммы, для которого нет ни желания возвратиться к существованию, ни желания расстаться с жизнью, того назову я Тихим, не ищущим плотских наслаждений; ника-

ких цепей здесь нет для него, и желание навсегда сокрушено им» (ст. 855–856).

Тихая и кроткая речь мудрого сильна велением правды; она обращена к сердцу слушателя и западает в него, как начало благодатной жизни, развивающейся в самобытной и чудной гармонии, согретой живительными лучами любви, мира и мудрости. «Благостно слово того, кто постиг верный смысл его; понятое слушателем, оно западает в его сердце, как семя размышления» (ст. 328).

Мудрец не растрачивается в пререканиях, не расточает в обильных поучениях свое бесценное сокровище; он не вступает в защиту своего учения, не оспаривает нападающих на него. Сама его жизнь, ее духовная красота лучше всяких слов разъясняют ищущим правды истину и суть великой жизни освобождения. Его врачующее слово поучения обращено к тем, чьей душе нужно исцеление, кто притекает в сомнении и печали, кто томится жизнью, страшится ее неразгаданности, ее неоткрытой тайны... «Когда беседует он с учениками или с другими нищенствующими, пусть речь его клонится только к изъяснению прекрасного Учения и никакое постыдное, бранное слово не оскверняет ее, ибо иные речи восстанавливают друг против друга людей; таких пустых, недостойных не похваляю я: только крепче завязываются узы на них, и они попусту растрачивают свои мысли в этих раздорах» (ст. 388–389).

Мудрецы, последователи Гаутама, – нищенствующие в мире; они отказались от всего, что может дать человеку земная жизнь, и этим отрешением от земного приобрели несравненно более великое и светлое счастье в общении с бесконечной жизнью. Тихая радость уже разрешенной надежды, счастье встречи с тем, что ждалось в любви и уверенности, нетревожимый светлый покой – вот то великое сокровище, которым обладает нищий и с которым не сравнится никакое богатство и счастье в мире. В его чистой душе рождается только благое, его речь и жизнь дышат кротостью, благосклонностью, сердечностью. «Пойди и спроси всех странников и духовных, близких и далеких, всех. Спроси: есть ли что в мире выше правды и милости, выше смирения и кротости?» (ст. 188).

Ничего чуждого нет ему в безбрежных просторах бытия, к которым приник он своей любящей душой. Ничего враждебного, ничего темного нет в тех безграничностях света и радости. Все миры обнял мудрый своею любовью, не страшась, не враждуя; они для него – не темная неизвестность, но привет вечной зари, торжество правды, безгранично расширившееся объятие любви и благодати... И все глубже и глубже радостью своей личной жизни вникает мудрец в радость бесконечного... «Пусть он простирает свое благоволение сквозь все миры, пусть обнимет он их своим благосклонным духом и вдаль, и вглубь, и ввысь, без вражды, без тревоги, без ненависти...» (ст. 149).

«Дух Мудрого расположен ко всем существам», – так го-

ворил о Гаутаме злой дух Сатагира. Мудрый никого не страшится, ни к кому не питает ненависти, ему равно понятны и злоба, и вражда, и страдания всех существ, кто бы они ни были, он всех облакает своею дивною заботою, всех зовет к исцелению, всех благословляет на радость и счастье жизни... Злые духи укрощаются, внимая словам Гаутамы, побежденные неотразимой, бесконечной правдой Вечной Дхаммы, которую постиг Мудрец и весть о которой несет свет освобождения как начало новой всеобщей радостной жизни, где ни вражда, ни проклятие, ни тоска, ни слезы, ни злые и низкие замыслы не омрачат торжественного дня обновления... «Я пойду от селения к селению, – говорит умиленный злой дух, – я пойду от горы к горе, прославляя Совершеннопросвещенного, прославляя совершенство Вечного Закона!..»

То, что мы теперь назвали бы *правом на жизнь* всякого существа, было глубоко понято Гаутамой. Он делает различия между сильными – господствующими и слабыми – порабощенными, между существами избранными и существами – париями в мире; для его любви и отеческой заботливости равны все. Глубоко умирительна эта тихая благосклонность помыслов Гаутамы, эта его нежная отеческая забота о счастье и багоденствии всех и каждого! «Да будут счастливы все существа, да живут все они в радости и довольстве! Все живые существа, которые только есть на свете, – и слабые и сильные, и длинные и короткие, и большие и средние, и великие и малые, видимые и невидимые, живущие близко или

далеко, рожденные или только еще носимые в утробе, – все они да будут счастливы!» (ст. 144–145).

В Сутта-Нипате есть много прекрасных изречений, выражающих эту заботливую любовь мудрого ко всем существам. Дружелюбное и кроткое отношение к ним – одно из важнейших положений нравственного учения Гаутама. Вот отрывок из рассказанной Гаутамой легенды о падении брахман, в которой звучит мысль, весьма необычная для наших воззрений и практики жизни. «Как мать и отец, братья и другие близкие, так и коровы – наши лучшие друзья, дарующие нам целебные снадобья. Они питают и укрепляют нас, они дают нам крепкое телосложение и счастье; зная действительное назначение их, никогда брахманы не закалывали коров... Но со временем изменились брахманы... Они, певцы гимнов, пошли к царю и сказали: „Как вода и земля, жито и золото, так и коровы созданы для людей, ибо все это – дань мира живущим“... И тогда царь, властелин колесниц, наученный брахманами, подарил им много сотен тысяч коров, чтобы были они убиты для жертвы. Тех коров, всегда кротких, щедро дарующих людям полные чаши молока, тех коров, никому не вредящих ни рогами, ни копытом своим, – повелел царь, схватив за рога, убить их оружием!.. Боги и праотцы, Индра и Асуры и все духи воскликнули: „Это несправедливость!“ – когда оружие вонзилось в коров. Свершилась несправедливость насилия, убиты неповинные коровы, жрецы отпали от Дхаммы!...»

III

Творения древности – живое слово мудрого поучения, оставленное нам давно сошедшими в могилу людьми; в них – животворное начало испытующей мысли, поднявшейся до сознания вечного. Научившись выделять в творениях мудрецов древности все, связанное исключительно с их временем и имеющее только чисто исторический интерес, научившись понимать непреходящий смысл их учений, выраженных подчас в формах, чуждых нашему языку, не всегда ясных, часто не связанных в нашем разуме ни с какой цельной, определенной системой понятий, – мы воспроизведем перед собой жизнь и душу далекого прошлого, думы мудрых воссияют во всем величии, и станет явным это постоянное рвение человеческого духа к вечности, эта необоримая уверенность в бесконечном бытии, все живые бесчисленные энергии которого – благодетельны, прекрасны и праведны.

В последнее время мыслители – как наши, так и других европейских народов – все чаще задумываются над направлением современной культуры, над ее началами и конечным идеалом, тогда как еще недавно европейская культура представлялась как возможно достижимое для человечества, не допускающее ни малейших правок, ни дополнений. Это – явные признаки близкого и серьезного пересмотра приоритетов. Европейская культура – культура научных знаний, види-

мого улучшения социальных отношений, но только не культура души. Ее тенденция – внешним образом, почти насильно, внедрить в жизнь то благое, что при душевной культуре развивается естественно и что, однажды явившись, никогда уже не иссякнет, ибо коренится в единственно реальной и несокрушимой почве благой жизни человека – в его душе. Мы забыли роковым образом, что только то прекрасно, чем сердце бьется уже в каждом своем ударе, что стало навсегда неотъемлемым от мысли, вносится в жизнь как живая, дышащая красота; между тем, насажденное извне прививается только долгое, долгое время и, привившись, нередко перерождается, принимает более грубые формы, далекие от идеала, о котором мечталось. Оттого-то и возникает странное противоречие: так много прекрасного в наших идеях и так мало его в жизни; потому-то неглубоко, недушевно, неискренно наше просвещение, что великие мысли прошли только чрез наше сознание, окрепли в памяти, но не созрели в материнских недрах души нашей, не согрелись ее живой, теплой любовью. Мы не вынашивали великих идей любовно и заботливо, не вдыхали в них жизни своей души – и вот даже величайшие, казалось бы, животворные помыслы воплощаются бесплодными, мертвыми. Обычное среди нас грустное ничтожество дел, которые смогли бы ярче, благотворнее принести в жизнь *дух и суть* великих идей, также связано с малой душевностью нашей сознательной жизни...

Кто знает, что возможна и должна быть красота духа, раз-

вивающего во мраке бессознательной материи чудные сферы сознания правды, любви, милости, кто поэтому ждет от людей благого, тот не может не видеть какое-то все более разрастающееся равнодушие, оцепенение. Среди холода жизни, ее омертвевшей дремоты так редки сердца, горящие пламенной любовью к истине, редки порывы, чудною близостью соединяющие душу с великой неземною жизнью. Мало любви льется в мире из душ человеческих, мало заботливости о благе, красе и величии духа, и в нашей жизни чувствуется отсутствие того тепла, той нежности, которые даются ей только искренней душевностью. И над всей нашей жизнью тяготеет печать безнадежной разлуки с прежней любовью, с былыми радостными и светлыми видениями...

Сложная европейская культура, богатая знаниями, умственной просвещенностью, широкой распространенностью образования, сделав многое для удобств общественной жизни, многому научив человека, сделала слишком мало для душевного мира, не научила человека жить сознательно благою, светлою и прекрасною жизнью. Горячо разрабатывая бесчисленные элементы культуры, забыли о самом важном ее элементе — о самом человеке; забыли, что только та культура истинна, которая выражается не вовне, а заложена глубоко, как живое начало, в душе человека. Чем больше людей истинно, душевно просвещенных, глубоко понимающих задачи времени в связи с никогда не умирающими задачами жизни и духа, людей, зорко охраняющих неприкосновен-

ность великих принципов, добытых дорогою ценой и внесенных уже в человеческую жизнь, — тем надежнее опора культуры на действительно незыблемые основания, ярче, ощутимее, могущественнее. Больше чистых, благородных людей — и будет радостнее, и станет стыднее свершать злое и несправедливое...

Философия, охраняющая в душе человека память о вечном и святом бытии, является одним из важнейших источников душевной культуры.

В жизни должно быть такое святое место, где бы человек чувствовал дыхание вечности. Таким местом еще в древние времена были воздвигнутые храмины Духа, чертоги мудрости. Там тихим, неизменным пламенем горят светильники, зажженные великими мудрецами мира, и ощущается их тайное присутствие; у порога этой дивной обители тишины, успокоения, немеркнувшей радости сознания вечного, куда едва лишь доносятся, как дальнее эхо, отголоски жизни, отрясается всякий прах и пыль земли: с чистою мыслью, с чистою, открывшеюся в любви душою должно приближаться к алтарю Истины...

В наше время нередко возникают разговоры: да нужна ли философия, повторяющая странные слова, зовущая ввысь? Не закончилось ли дело философии, когда «великие понятия» стали всеобщим достоянием, глубоко запали в человеческую мысль и работают уже в жизни созидательным об-

разом? Но, рассуждая так, не уподобились ли мы тому оригинальному мыслителю, который усомнился в надобности солнца, когда на земле и «без того тепло»?

По некоторому недопониманию, философия в нашей жизни и мысли не занимает подобающего ей места и не оказывает должного благотворного влияния на людей. В наши дни философия напоминает заброшенную принцессу, выросшую в деревне; хрупкая и нежная, деликатная, чудная лилия среди грязи деревенской улицы, она как будто не нужна, чужда и докучна нашему времени «борьбы за жизнь» и «приспособления к ней».

Стремление к новаторству в умственной жизни, уверенность, что новая эпоха должна сказать все новое, превосходящее прежнее, – затмевает веру и мысль прошлого. А сколько, быть может, благих путей, светлым истоком проливающихся в мыслях прежних времен, мы вовсе и не заметили, пройдя мимо в самообольщении и надменности...

Н.И. Герасимова

* * *

P.S. Прилагаем список важнейших наименований и специальных буддийских терминов, наиболее часто встречающихся в нашем памятнике:

arahat

блаженный, святой

Bhagavat

Славный, Блаженный (как имя Будды)

bhikkhu

нищенствующий монах, нищий

Dhamma

Дхамма, Вечный Закон, Вечная Истина, Учение

dhamma

(употр. во мн. ч.) правила, обычаи, законы, учения, порядки, вещи

Isi

Мудрец

Mara

Мара (дьявол, соблазнитель, властелин смерти)

muni

мудрец, аскет

samana

аскет, пустынник, самана, отшельник,

странник

samsara

путь возрождений, путь рождения и смерти, земная жизнь, путь рождения и разрушения

samkhara

этот свет, вещественный мир, твари, обманчивые призраки

Sugata

Счастливый (как имя Будды)

upadhi

элементы мира, звенья существующего

nibbuta

блаженствующий, освобожденный

Nibbana

Ниббана, блаженство, состояние исцеления, успокоения, царство мира, покоя, блаженства

pandita

мудрый

parinibbata

счастливым, блаженный

Sakya muni

Будда (Шакья-Муни)

Tathagata

Совершенный (как имя Будды)

Приложение

Состав Буддийского Канона

(по Макс-Мюллеру)

В настоящее время мы встречаем буддийский канон как целое, разделенное на три части и содержащее творения, собранные доныне в манускриптах, под общим именем Tipitaka.

Tipitaka разделяется на: 1) Vinaya-pitaka, 2) Sutta-pitaka и 3) Abhidhamma-pitaka.

I. Vinaya-pitaka

1. Vibhanga, 2 части

2. Khandhaka, 2 части: I. Mahavaga (большая)

II. Kulavagga (малая)

3. Parivarapatha – прибавление и позднейшее резюме

II. Sutta-pitaka

1. Digna nikaya – сборник 34 больших сутт
2. Magghima-nikaya – сборник 152 средних сутт
3. Samyutta-nikaya – сборные сутты
4. Anguttara-nikaya – сборные сутты
5. Khuddaka-nikaya – сборник сутт, состоящий из:
 - 1) Khuddakapatha – малые изречения
 - 2) Dhammapada
 - 3) Udana – славословие (82 сутты)
 - 4) Itivuttaka – сказания, относящиеся к изречениям Будды
 - 5) Sutta nipata
 - 6) Vimana vatthu – о небесных чертогах
 - 7) Peta vatthu – сказания о духах отшедших
 - 8) Theragatha – стихи об инокaх
 - 9) Therigatha – стихи об инокинях
 - 10) Gataka – о перерождениях (550 сказаний)
 - 11) Niddesa – объяснение некоторых сутт Сарипуттой
 - 12) Patisambhidamagga – путь различения и непосредственного ведения
 - 13) Apadana – легенды
 - 14) Buddhavamsa – история 24 предшествовавших будд и история Гаутамы
 - 15) Kariyapitaka – корзина поведения, достохвальные дела Будды

III. Abhidhamma-pitaka

1. Dhammasangani – перечисление условий жизни
2. Vibhanga – исследования (18)
3. Kathavatthupakarana – книги предметов для обсуждения
4. Puggalapannatti – изъяснение личности
5. Dhatukatha – об элементах
6. Yamaka – четы (десять отделений)
7. Patthanapakarana – книга причин

Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений

Книга I

Uragavagga

Книга I
URAGAVAGGA

Сутта I

1. Кто сдерживает свой возникающий гнев, как врач останавливает силу яда, проникшего в тело, – тот монах покинет оба берега, как змея сбрасывает с себя изношенную кожу.
2. Кто всецело отринул от себя страсти, как, ныряя в воду, срывают лотос, – тот монах покинет оба берега, как змея покидает свою отжившую кожу.
3. Кто отогнал от себя всякое желание, неудержимо подступающее, стремительное, кто погубил его, иссушив его, – тот монах покинет оба берега, как змея покидает свою отжившую шкуру.

4. Кто разрушил в себе надменность, как прилив сокрушает тростниковый мостик, – тот монах покинет оба берега, как змея оставляет свою отжившую кожу.

5. Кто постиг, что нет неизменной сущности в этом бытии, как нет цветов на фиговой пальме, – тот монах забудет оба берега, как змея навсегда бросает свою изношенную кожу.

6. В чьей груди уже нет чувства страха, кто победил это все возникающее возрождение – тот монах покидает оба берега, как змея сбрасывает свою отжившую кожу.

7. Кто развеял свои сомнения, кто отсекал их от себя вполне и искренне – тот монах расстается с тем и с этим берегом, как змея со своею отжившею шкуркой.

8. Кто не рвался вперед, но и не оставался позади, кто победил оба эти мира заблуждения – тот монах оставляет оба берега, как змея свою отжившую шкурку.

9. Кто не рвался вперед, но и не оставался позади, кто понял, как все обманчиво в этом мире, – тот монах покинет оба берега, как змея свою изношенную шкурку.

10. Кто не стремился вперед, кто не оставался и позади, кого не поработила жадность – тот, познавший призрачность этого мира, покидает оба берега, как змея свою изношенную шкурку.

11. Кто не стремился вперед, кто не оставался и позади, свободный от страстей, сознавший обманчивость всего в этом мире, – тот монах оставляет оба берега, как змея свою отжившую шкурку.

12. Кто не рвался вперед, кто не оставался и позади, не побежденный ненавистью, изведавший обманчивость всего в этом мире, – тот монах покидает оба берега, как змея свою отжившую шкуру.

13. Кто не рвался вперед, кто не оставался и позади, свободный от мечтаний, ясно постигший призрачность всего в этом мире, – тот монах покинет оба берега, как змея покидает свою отжившую шкуру.

14. Кто все влечения погасил в себе и всякое желание вырвал с корнем – тот монах оставляет оба берега, как змея свою отжившую шкуру.

15. В ком не возникает вновь чувство страха, кого не возвратит оно опять к этому берегу – тот монах навсегда оставляет оба берега, как змея свою отжившую шкуру.

16. В ком не возникнет вновь чувство желания, кого не привяжет оно опять к существованию – тот монах покидает оба берега, как змея покидает свою изношенную шкуру.

17. Кто разрушил пять преград, свободный от страдания, победивший сомнения, недоступный печали, – тот монах покидает оба берега, как змея свою отжившую шкуру.

Сутта II

1(18). «Я сварил свой рис, я подоил коров, – так говорил пастух Дханья, – вместе с товарищами живу я на отмели реки Маги; мой дом плотно закрыт, и огонь зажжен – теперь ты

можешь дожидаться, о небо!»

2(19). «Я свободен от гнева, я свободен от гордости, – так говорил Совершенный, – эту ночь провел я на отмели реки Маги; мое жилище не покрыто крышей, и огонь мой потух – ты можешь дожидаться, о небо!»

3(20). «Я укрылся от оводов, – так говорил пастух Дханья, – на лугах, обильных травой, пасутся мои коровы, дождь не повредит им – теперь ты можешь дожидаться, о небо!»

4(21). «Крепко снарядил я свою ладью, – так говорил Совершенный, – я приплыл к вечному берегу, я достиг той отмели, преодолев потоки страстей: теперь та ладья не нужна мне более – ты можешь дожидаться, о небо!»

5(22). «Не сварлива моя жена, всегда послушна, – так говорил пастух Дханья, – долгое время она прожила со мной неразлучно; она миловидна, ничего дурного я никогда не слышу от нее – ты можешь дожидаться, о небо!»

6(23). «Мне послушен мой ум, он свободен вполне, – так говорил Совершенный, – долгое время я обуздывал свой дух, совершенствовал его, и нет в нем теперь ничего злого – ты можешь дожидаться, о небо!»

7(24). «Я кормлюсь своим трудом, – так говорил пастух Дханья, – и мои дети всегда со мною, они здоровы; ничего злого я никогда не слышу от них – ты можешь дожидаться теперь, о небо!»

8(25). «Ни одного слуги нет у меня, – так говорил Совершенный, – что сам я добыл себе, с тем и прохожу чрез весь

мир, нет мне нужды в помощниках – ты можешь дожидаться, о небо!»

9(26). «У меня есть коровы, и телята есть у меня, – так говорил пастух Дханья, – у меня есть также и бык – он господин над коровами, – теперь ты можешь дожидаться, о небо!»

10(27). «Нет у меня коров и телят, – так говорил Совершенный, – нет у меня и быка, господина над ними, – ты можешь дожидаться, о небо!»

11(28). «Надежно врыты столбы, их нельзя раскачать, – так говорил пастух Дханья, – крепки веревки, новы и искусно свиты, коровы не порвут их – теперь ты можешь дожидаться, о небо!»

12(29). «Как бык, порвал я все узы, как слон, я прорвался сквозь чащу ползучих растений, – так говорил Совершенный, – я не войду вновь в утробу рождений – ты можешь дожидаться, о небо!»

Внезапно разразился ливень, заливая землю, наполняя озера. Слыша, что полился дождь, сказал Дханья:

13(30). «Немалая прибыль притекла к нам с тех пор, как мы узрели Совершенного; мы прибегаем к тебе, о ты, одаренный мудростью, – будь нашим наставником, о великий пустынный!»

14(31). И я, и жена моя, мы оба послушны – благослови нас на добрую жизнь, мы победим рождение и смерть, мы достигнем конца страданий!»

15(32). «Кто имеет сынов, тот имеет радость от сынов, –

говори́л лука́вый Ма́ра, – кто имеет ста́да, тот имеет радо́сть
от ста́д, и́бо зве́нья бы́тия – радо́сти лю́дей, и тот, у ко́го их
не́т, не имеет и радо́стей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.